

В. С. Парсамов

Республиканские проекты в декабристском движении*

Сложившаяся еще в дореволюционной историографии и продолженная в советский период традиция располагать общественных и политических деятелей по шкале прогрессивности: монархия абсолютная — монархия конституционная — республика буржуазная — республика социалистическая, — предполагала, что революционное движение направлено в сторону увеличения общественной свободы. Ее минимальная степень связывалась с абсолютной монархией, а максимальная — с социалистической республикой. Применительно к декабристскому движению с этой точки зрения противопоставлялись умеренные члены тайных обществ, стоящие на конституционно-монархических позициях, и республиканцы. Традиционным было противопоставление Конституции Никиты Муравьева, сохраняющей за монархом исполнительную власть, и «Русской правды» Павла Пестеля, предполагавшей республику. Впрочем, исследователи знали, что Пестель параллельно с республиканским разрабатывал и конституционно-монархический проект, но объясняли это тем, что он не хотел отсекал от своей программы умеренных членов и таким образом пытался учесть их политические интересы. Республиканец Пестель считался более революционным и более прогрессивным, чем конституционный монархист Никита Муравьев.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Эта концепция носила отчетливо ретроспективный характер и исходила из дальнейшей эволюции освободительного движения в сторону социалистических идей. Если же посмотреть на политические проекты декабристов с точки зрения актуальных для них традиций, то картина получится иной. Идеологи тайных обществ воспринимали республиканские идеи как более древние, чем монархические. Поэтому республиканский строй для них мыслился не как новая страница в истории, а как возрождение искусственно прерванной традиции. Декабристские проекты республиканского устройства будущего России предполагали изъятие власти из рук монарха и передачу ее народу путем государственного переворота. Именно это обстоятельство отличает их республиканские проекты от проектов реформ сверху, направленных не на смену, а на либерализацию монархического режима. Монарх, дарующий подданным конституцию, расширяет их права и свободы, но не меняет их статуса, так как октроированная конституция не предполагает народного обсуждения и одобрения. Так, например, если добрый барин переводит своих крестьян с барщины на оброк, он расширяет их свободу, но свободными людьми они от этого не становятся. С другой стороны, в республиках могут действовать жесткие законы, сильно ограничивающие права и свободы отдельных граждан, но считается, что сами эти законы являются результатом народного волеизъявления, и соответственно народ в его целом остается свободным. В первом случае свобода понимается как действие, во втором — как состояние.

В конституционных монархиях наследственная власть имеет пространственные ограничения (предполагается, например, что личная жизнь граждан изъята из ее компетенции), в республиках выборная власть имеет временные ограничения, но при этом не только общественная, но и личная жизнь граждан может быть подвергнута республиканскому контролю. Тит Ливий, говоря о смене монархии республикой, пояснял, что «началом свободы <...> вернее считать то, что консульская власть стала годичной, нежели то, что она будто бы стала меньшей, чем была царская»¹.

Наиболее отчетливо эти идеи изложены у Пестеля. Республиканский строй, с его точки зрения, является наиболее древней и наиболее совершенной формой правления, гарантирующей «благоденствие всех и каждого»², при этом особо подчеркивалось, что «должны всегда выгоды части или одного нераздельного уступать выгодам целого: признавая целым совокупность или массу народа»³. На первый взгляд, мы имеем дело с неким противоречием, если, конечно, не считать, что «благоденствие» и «выгода» — несовместимые понятия. Говоря о благоденствии всех и каждого, Пестель тем не менее исходит из того, что «нрав и личные качества людей бывают столь же различны, что ежели каждый пребудет непреклонен в своем мнении, не вникая мнению других, то никакой не будет возможности избрать средства для достижения предначенной цели»⁴. Здесь явно имеется в виду руссоистское противопоставление воли всех и общей воли: «Эта вторая блюдет только общие интересы: первая —

интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц»⁵. Когда речь идет об отдельных индивидах, находящихся в отношениях равенства, то это противоречие, по Ж.-Ж. Руссо, не является непримиримым. Стремления и желания людей, когда они следуют только своей природе, мало отличаются друг от друга, и этими незначительными различиями легко можно пренебречь без существенного насилия над человеком. Сложности возникают, когда в государстве имеются различного рода ассоциации и «воля каждой из этих ассоциаций становится общею по отношению к ее членам и частною по отношению к Государству <...> Тогда уже нет больше общей воли, и мнение, которое берет верх, есть уже не что иное, как мнение частное»⁶. Когда же государство имеет дело с отдельными гражданами, составляющими единый народ, то общая воля фактически становится и волей всех. Политическим идеалом для Руссо служила древняя Спарта, управляемая по законам Ликурга.

Как и Руссо, Пестель считал, что наилучшие формы правления существовали в прошлом, причем не только в Греции и Риме, но и в древнем Новгороде и Пскове, когда народ сам управлял собой. С появлением знати произошло разделение народа и правителей, а аристократия стала разделяющей их стеной. Народ был низведен до рабского состояния, а правители утратили реальную власть. И наконец, с уничтожением аристократии возобновляется прямая связь народа и правительства. Народ становится единственной опорой правительства, а правительство — выразителем народных интересов. Но поскольку количество граждан значительно увеличилось по сравнению с древностью, то современные республики уже не предполагают прямого народовластия и правление становится представительным. Вместо линейного движения от монархии к республике, которое сопровождается прогрессом свободы, предлагается циклическая модель, возвращающая, пусть в несколько иной форме, республиканское правление. Но дело не только в этом.

Историческая схема Пестеля обращает на себя внимание нетривиальным представлением о соотношении власти и свободы. Пестель парадоксально утверждает, что наименьшей властью обладает абсолютный монарх, находящийся в зависимости от аристократии. Народ низводится до крепостного состояния, а сам монарх настолько слаб, что не в состоянии «оградить себя самого от притязаний и оскорблений этой надменной знати»⁷. Получается, чем слабее власть, тем меньше свободы. Единственно сильной властью, гарантирующей свободу, является власть народа, который в одном лице представляет правителя и подданного. Так было в древних республиках. В современном же представительном правлении правительство и народ не соединены в одном лице, но поскольку между ними нет третьей силы, то правительство обладает всей полнотой власти, а народ — необходимой свободой.

Политическая программа Пестеля состояла в следующем. После государственного переворота устанавливается диктатура временного революционного правительства, которая ликвидирует все существующие ассоциации в России,

строящиеся на социальном, политическом, экономическом, языковом, религиозном и других различиях. Установление новых законов, одинаковых для всех граждан, обеспечит, по мнению Пестеля, свободу, без которой «нет ни спокойствия, ни благоденствия»⁸. При этом свобода понимается Пестелем весьма специфически. Она распространяется лишь на личную жизнь граждан и не распространяется на политическое и гражданское устройство. Граждане свободны лишь в тех случаях, когда они не находятся в непосредственном сношении ни с правительством, ни с другими гражданами и когда дело идет о них одних, например свободное книгопечатание, свободное вероисповедание, свободная промышленность, личная свобода и т.п.⁹ Иными словами, свобода личности ограничивается частной жизнью человека и не распространяется на политическую и гражданскую сферы. Это представление значительно снижало уровень и свободы книгопечатания, и свободы вероисповедания, делало власть народных представителей над народом практически неограниченной. Такого рода представления о свободе соответствовали в целом политической теории Руссо, но выглядели несколько архаично в эпоху, наступившую после Французской революции.

Бенжамен Констан в 1814 г. дал актуальный для того времени комментарий к античному республиканизму, точнее, к его рецепции в революционную эпоху: «То, что мы называем гражданской свободой, было неизвестно большей части древних народов. Все греческие республики, за исключением Афин, подчиняли индивида почти неограниченно власти общества. Точно такое же личностное закабаление было свойственно Риму в его лучшие времена: гражданин становился рабом народа, к которому принадлежал. Он полностью отдавал себя в распоряжение суверена, законодателя. Он признавал за ним полное право контролировать все свои действия и ограничивать свою волю. Но в свою очередь он сам был законодателем и сувереном; он с гордостью чувствовал, насколько важен его голос для народа, достаточно малочисленного для того, чтобы каждый гражданин был наделен властью; и то осознание собственной значимости было для него значительным вознаграждением»¹⁰. Однако с развитием цивилизации, распространением торговли и расширением горизонтальных связей между людьми появились, как пишет Констан, представления о «бесконечном разнообразии способов человеческого счастья. Для того чтобы быть счастливыми, людям необходимо только то, чтобы им предоставили полную самостоятельность во всем, что касается их занятий, их начинаний, сферы их деятельности и желаний»¹¹. Рассуждения Констан были обусловлены представлением о том, что гражданские права не обеспечивают сами по себе индивидуальной свободы и счастья. Они необходимы, но они не могут вместить в себя всего многообразия интересов и потребностей современного человека.

В России ситуация была иной. Французская мысль, проделавшая значительную эволюцию от просветительских идей дореволюционной поры к постреволюционному либерализму, в России воспринималась как некое идеологиче-

ское единство, не потерявшее своей актуальности. Проблема превращения раба в гражданина сохраняла свою остроту. Риторический вопрос П. А. Вяземского:

Я вижу подданных царя,
Но где ж отчества граждане? —

предполагал не только освобождение крепостных, но и наделение всех подданных гражданскими правами («Снесешь нам книгу вечных прав»). Ориентация на античную традицию позволяла говорить о возвращении некогда утраченных гражданских свобод. Роли распределялись следующим образом: страдающий от рабства народ, тиран, узурпировавший народную власть, и тираноборец, возвращающий эту власть народу. Обсуждавшиеся в ранних декабристских организациях проекты цареубийства имели театральный характер. Так, по замыслу М. С. Лунина, группа людей в масках, выехав на Царскосельскую дорогу, должна была, встретив императора, заколоть его кинжалами. Маска и кинжал символизировали трагедию¹², а сам переход России от абсолютизма к республике представлялся в виде смены декораций. Наивность этих планов для членов тайного общества была столь же очевидна, как и их эстетическая привлекательность. Поэтому попытка Пестеля перейти из области исторической эстетики в область реальных политических планов встретила ироническую реакцию Лунина, заметившего, что Пестель хочет «наперед Энциклопедию написать, а потом к Революции приступить»¹³. Пестель, хоть и считал, что республиканский строй имеет корни в российской истории, тем не менее не верил в возможность его автоматического появления после заклания тирана «и необходимым находил приуготовить наперед план Конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием Революции новый порядок мог сей час быть введен сполна»¹⁴.

Следует отметить, что уже в это время Пестель вполне мог опираться на опыт Французской революции, о чем свидетельствует его высказывание, дошедшее до нас в воспоминаниях С. П. Трубецкого, — о том, что «Франция блаженствовала под управлением Комитета общей безопасности»¹⁵. Если допустить, что Пестель действительно говорил что-то подобное, а серьезных оснований не доверять мемуаристу в данном случае у нас нет, то речь, конечно, шла не о терроре, а о более широких мероприятиях якобинской диктатуры, направленных на укрепление национально-культурного, языкового, религиозного и государственного единства Франции. При сравнении проектов Пестеля с аналогичными проектами якобинского правительства обнаруживается несомненное сходство¹⁶. В обоих случаях речь идет о преобладании общей воли над волей всех, в терминологии Руссо. Но вопрос состоит в том, как практически это может быть достигнуто? Пестель понимал, что в огромной многонациональной и многоконфессиональной России одних демократических институтов (разделение властей, общественный контроль над их действиями и т. д.) окажется

недостаточно для обеспечения всеобщего равенства и свободы. Предоставление всем равных гражданских прав, с его точки зрения, — мера также недостаточная для установления прочного республиканского строя. Необходимо обеспечить равные возможности пользоваться этими правами. Республиканец не только имеет право быть свободным гражданином, он еще и обязан им быть. Введение гражданского равенства в России еще не означает равенства национального, языкового, конфессионального и т.д. Так как приоритетом является свобода народа в целом, то степень свободы отдельно взятого гражданина определяется степенью его интегрированности в «совокупность или массу народа».

Конституционно-монархический проект Никиты Муравьева также следует рассматривать в ряду республиканских проектов, так как он исходил не от монарха, дарующего народу конституцию, а как бы от народа, берущего власть в свои руки и наделяющего монарха определенными полномочиями: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»¹⁷. Проект Муравьева отличается от проекта Пестеля не только формальными чертами (федеративное устройство вместо унитарного, сохранение монархии, помещичьего землевладения и т.д.), — но также иным пониманием свободы. У Пестеля свобода основывается на законах и существует в рамках «единородства, единообразия и единомыслия». У Муравьева свобода ассоциируется не с руссоистской идеей «общей воли», а с представлениями о ней французских либералов, в первую очередь Б. Констана и Ж. де Сталь¹⁸. Их проекты федерализации Франции, равно как и конституция Соединенных Штатов, послужили для него прообразом будущего федеративного устройства России. Муравьев не согласен с Ш.-Л. Монтескье, считавшим, что «свобода есть право делать все, что разрешают законы». «Разве я свободен, — пишет он, — если законы налагают на меня притеснения? Разве я могу считать себя свободным, если все, что я делаю, только согласовано с разрешением властей, если другие пользуются преимуществами, в которых мне отказано, если без моего согласия могут распоряжаться даже моею личностью? При таком определении русский крестьянин свободен: он имеет право вступать в брак и т.д.»¹⁹. Но полемика в данном случае ведется не только с Монтескье, но и с Пестелем, считавшим, что дух современной ему эпохи заключается в стремлении к «свободе, на законах основанной»²⁰.

Муравьев же под свободой понимает предоставление человеку, вступившему в общество, возможности пользоваться неотъемлемыми естественными правами. Это должно быть заложено в самом общественном договоре, заключающий который, «люди никогда не могли и не хотели отчуждать или изменять какое бы то ни было из своих естественных прав или отказываться в какой бы то ни было доле от осуществления этих прав». Законы, не соответствующие «совокупности его физических и моральных сил», являются насильственным злоупотреблением. «Сила, — добавляет Муравьев, — никогда не устанавли-

вает и не обосновывает никакого права». В этом смысле «масса людей может сделаться тираном так же, как и отдельное лицо»²¹. Если Пестель обосновывал идею безграничности народного суверенитета в духе Руссо, то Муравьев ближе к более умеренной трактовке общественного договора в духе К.-А. Гельвеция, защищавшего права отдельного человека от деспотизма «общей воли». С его точки зрения, общество представляет собой не единую нравственную личность (*personne morale*), в терминологии Руссо, а свободную ассоциацию отдельных людей, стремящихся к счастью. Гельвеций прекрасно понимал, «что невозможно отклонить их от этого стремления, что было бы бесполезно пытаться это сделать и было бы опасно достигнуть этого, и что, следовательно, сделать их добродетельными можно только, объединяя личную выгоду с общей»²².

Добиться желаемого равновесия «личной выгоды с общей», по мнению Муравьева, проще всего было в рамках федеративного государственного устройства. Речь шла об административном разделении России, но не по национально-территориальному признаку, а на искусственно созданные 14 держав и 2 области. Это было аналогично тому, как Ж. де Сталь предлагала федерализовать Францию на созданные якобинцами 85 департаментов²³. Напомним, что это было искусственное деление, целью которого было усиление центральной власти и уничтожение исторически сложившихся провинций, сильно отличающихся друг от друга по языку и народным традициям. Предложение де Сталь исходило не из стремления сохранить национально-языковое разнообразие Франции, а из необходимости ослабить власть Парижа над регионами. Аналогичным образом мыслил и Муравьев, хорошо знавший сочинения французской писательницы.

Различия между республиканскими проектами Пестеля и Муравьева касались не только теоретических и государственно-административных вопросов. Речь шла и о сугубо практических вещах, как, например, о судьбе Александра I. Республиканский проект Пестеля, ориентированный на Французскую республику, предполагал убийство царской семьи, которое не могло быть совершено новым правительством в рамках конституционного строя. Поэтому «Русская правда» Пестеля — это не конституционный проект, а «рамочное руководство» для революционного правительства. Тираноборческие идеи были свойственны и Муравьеву до того момента, когда он начал работу над своей Конституцией. Введение ее в действие он планировал сразу после переворота, но еще до него декабрист рассчитывал на широкое распространение своего конституционного проекта в обществе. Он не исключал возможности того, что Александр I сам изъявит желание сделаться «верховным чиновником Российского правительства», добровольно сложив с себя власть самодержца, что сохранило бы жизнь ему и его семье, и республика не была бы основана на кровавом преступлении.

Кроме республиканских проектов Пестеля и Муравьева, в декабристском движении возникали другие замыслы учреждения республики, не получившие,

однако, столь детального описания. Наибольший интерес в этом отношении представляет «Орден русских рыцарей» — малоизвестное общество, основанное в 1814 г. или около этого времени М. А. Дмитриевым-Мамоновым и М. Ф. Орловым. Орден состоял из двух организационных частей. Одну из них составлял «внутренний орден», в него входили члены-учредители, посвященные в сокровенную цель. Воспитательная роль отводилась «внешнему ордену», где все было построено на символах и ритуалах. «Внешний орден» состоял из трех иерархических степеней, или «языков». Восхождение по ним сопровождалось воспитанием ищущего в духе республиканских добродетелей. Первый «язык» — «израильский» — составляли библейские символы и сюжеты, воспитывающие мужество и свободолюбие. Второй «язык» — «греческий» — включал в себя символику древнегреческих республик и должен был внушать ищущему мысль о необходимости преобразований общественной жизни на основе республиканских добродетелей. На этой ступени раскрывалась сокровенная цель Ордена. Третий «язык» — «римский» — имел уже откровенно политический смысл, выражающийся в идее тираноборчества и указывающий на путь достижения республиканской цели.

Республиканский проект М. А. Дмитриева-Мамонова имел аристократический характер. Во главе управления должен был стоять Сенат, включавший в себя тысячу сенаторов. Из них 200 составляли наследственные пэры, 400 — представители от дворян и столько же — от простого народа. Таким образом, дворянство, составляющее меньше одного процента населения империи, получало 600 парламентских мест. Нация понималась как качественное, а не количественное образование. Считалось, что дворянин, помнящий своих предков и их заслуги перед родной историей, представляет нацию более полно, чем простолюдин. Орден получает поместья, земли, фортеции, наподобие рыцарей-тамплиеров или тевтонов, а 200 наследственных пэров приобретают в уделы города и поместья. Из основных свобод упоминается только свобода книгопечатания, отсутствует свобода совести; более того, Дмитриев-Мамонов грозил истреблением раскольников-скопцов.

Внешнеполитические планы Ордена отличались бурной экспансией: турки изгоняются из Европы, под протекторатом России восстанавливается Греция, к которой присоединяются все славянские народы, а также Венгрия и Норвегия. На востоке Россия покоряет Персию и продвигается в Индию.

Ко всему этому следует добавить, что в имении Дмитриева-Мамонова, подмосковных Дубровицах, хранились две реликвии: окровавленная рубашка царевича Дмитрия и знамя Минина и Пожарского²⁴. Первая — свидетельство прекращения династии Рюриковичей, к которой относил себя Дмитриев-Мамонов — прямой потомок Владимира Мономаха, а вторая символизировала народное восстание против поработителей и начало национального возрождения.

Кроме Дмитриева-Мамонова и Орлова, в «Орден русских рыцарей» входил и Н. И. Тургенев. Его дневниковая запись: «Все в России должно быть сдела-

но правительством; ничто самим народом»²⁵, — часто приводимая как свидетельство умеренности его политических взглядов, может быть истолкована и в более радикальном смысле. Речь у Тургенева идет не о слепой вере в благоговорность правительственных действий, а о сомнениях в республиканских добродетелях русского народа. Русский народ не просвещен и не понимает преимущества республики перед монархией. Строго говоря, Тургенев не был республиканцем в античном смысле. Идеалом политического устройства для него служила Англия, и сам этот идеал применительно к России он относил к будущему, а не к прошлому. Если для Пестеля свобода ассоциировалась с законами, а для Муравьева с их отсутствием (свобода как возможность делать все, что не запрещено), то для Тургенева свобода ассоциируется прежде всего с просвещением. Государственные законы, с его точки зрения, сами по себе ничего не меняют, а лишь фиксируют какие-то нормы.

По мнению декабриста, просвещение народа необходимо для того, чтобы он осознал преимущества республиканского устройства. Это просвещение должно иметь характер правительственной программы, и если надо, то не следует останавливаться перед насилием. Образцовым правителем для Тургенева был Петр I, которого он именует «царем-либералом». «Либерализм» Петра Тургенев видел в стремлении царя ограничить крепостное право, запретив торговлю людьми²⁶. Явно преувеличивая аболиционистские стремления Петра, Тургенев на этом не останавливается и уподобляет его Бруту: «Мы прославляем патриотизм Брута, но молчим о патриотизме Петра, также принесшего своего сына в жертву отечеству»²⁷. В соединении либерализма и патриотизма в лице сильного правителя, облеченного практически неограниченной властью, Тургенев видел будущее политическое устройство России. В начале 1820 г. на заседании коренной управы Союза благоденствия, где решался вопрос о характере оптимальной для России формы правления, Тургенев произнес свою известную реплику «*Le président sans phrases*» («Президент без дальних толков»), вероятно, подразумевая под этим главу республики с неограниченными полномочиями. Возникает вопрос о кандидате на эту должность. Наиболее вероятной фигурой мог быть генерал М. Ф. Орлов. Незадолго до этого заседания Тургенев записал в дневнике: «О тебе одном, М[ихаил] О[рлов], могу я вспомнить, думая об Отечестве. На тебе одном может успокоиться мысль моя, робкая при виде несчастий России»²⁸.

Орлов, активный участник движения, в том же 1820 г. получает должность командира дивизии, расположенной в Бессарабии. Правда, ему хотелось бы получить дивизию ближе к Москве — например, в Нижнем Новгороде или Ярославле, где, по его словам, он «бы был как рыба в воде»²⁹. Мотив Орлова в данном случае вполне очевиден. Под Москвой находилась усадьба Дмитриева-Мамонова, превращенная в настоящую военную крепость, в распоряжении которой находился арсенал, включая артиллерию, и гарнизон, состоящий из крепостных, одетых в военную форму, имеющих за плечами боевой

опыт 1812 г. Как верно отметил Ю. М. Лотман, «вместе с дивизией Орлова это составляло вполне реальную угрозу»³⁰.

Однако Кишинев, как оказалось, тоже имел свои преимущества. Начавшееся греческое восстание давало надежды на совершение переворота в России. «У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить», — писал Орлов А. Н. Раевскому³¹. Сохранилось свидетельство греческого историка и участника восстания Иоанниса Филимона, согласно которому Орлов договорился с генералом А. К. Ипсиланти, что со своей дивизией перейдет пограничную реку Прут и вступит в «княжества как самостоятельный начальник»³². При этом речь шла не только о помощи грекам. В начале 1821 г. в Москве на съезде членов Союза благоденствия Орлов выступил с несколько экстравагантной, но, видимо, весьма последовательной для его замыслов программой, о чем стало известно из доноса М. К. Грибовского: «Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению, настаивал об учреждении “Невидимых братьев”, которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому; о заведении типографии в лесах, даже делании фальшивых ассигнаций для доставления [тайному] обществу потребных сумм»³³. К сожалению, состояние источников не позволяет в полной мере реконструировать военные планы Орлова, но с учетом программы «Ордена русских рыцарей» можно предположить, что генерал собирался воевать и в России, и Европе. Возглавив таким образом революционную армию, генерал Орлов оказывался во главе событий, а в случае успеха — в роли диктатора республиканского государства.

Еще одним косвенным подтверждением этой версии могут служить споры, которые с Орловым вел в Кишиневе А. С. Пушкин, о чем говорится в письме Е. Н. Орловой к А. Н. Раевскому: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия»³⁴.

Идеи «вечного мира» занимали Пушкина в связи с чтением Руссо, изложившего содержание и давшего свою оценку многотомному сочинению аббата Ш. де Сен-Пьера «Проект вечного мира». В своей заметке о «вечном мире» Пушкин говорит о несовместимости армий и конституционного строя и предлагает сохранить гильотину «для великих страстей и великих воинских талантов <...> ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала»³⁵. Под «победоносным генералом» понимается, скорее всего, Орлов, который в 1814 г. поставил свою подпись под документом о капитуляции

Парижа. Далее Пушкин конструирует возможный ответ Орлова: «Свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победышки, не может иметь никакого веса»³⁶. «Мальчишку» следует отнести не только к Руссо, но и к самому Пушкину. Руссо, как известно, излагая идеи Сен-Пьера, считал, что цена установления «вечного мира» может быть слишком высокой и предлагал «утешиться тем, что никогда не увидим его осуществленным: ибо это может быть совершено лишь при помощи средств насильственных и опасных для человечества»³⁷. «Насильственные и опасные» средства — войны и революции — ко времени пушкинских споров с Орловым стали реальностью и, как полагал поэт, открывали путь к осуществлению прекрасной мечты Сен-Пьера. В отличие от Орлова, полагавшего, что в результате революции Россия получит нового лидера — спасителя отечества, устанавливающего республиканские законы, Пушкин рассчитывал на совершенно другой сценарий. Для него республиканская диктатура была не только не лучше, а гораздо хуже монархии:

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами.
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Идее революционной диктатуры Пушкин противопоставлял идею «нравственного преобразования». Осенью 1823 г., примерно тогда же, когда Е. Н. Орлова отправила брату цитируемое письмо, Пушкин работал над второй главой «Евгения Онегина», где первоначально в восьмой строфе были следующие стихи, изъятые из первого издания 1826 г.:

Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

Комментируя эти строки, Ю. М. Лотман увидел в них «намек на тайное общество или, по крайней мере, на некоторый круг конспираторов»³⁸. При этом исследователь оставил открытым вопрос, о каком тайном обществе или круге конспираторов идет речь. Вряд ли это декабристские организации, к членам которых поэт обращался, используя иную лексику. Мы здесь не видим ни «обломков самовластья», ни «кровавой чаши», ни «пламенной сатиры» и т. д. В приведенном отрывке преобладает мирная риторика: «друзья», «бессмертная семья», «блаженство». И тем не менее речь идет если не о государственном перевороте, то во всяком случае о существенной трансформации политического режима. Можно предположить, что этот отрывок связан с масонской традицией и участием Пушкина в работах ложи «Овидий»³⁹. Ее основателем был генерал

П. С. Пущин, среди членов ложи были декабристы и участники греческого освободительного движения, работу ложи «Овидий» открыл Пестель⁴⁰. Его участие, как и участие М. Ф. Орлова и В. Ф. Раевского, явно придавало ложе политический оттенок. Возможно, на этот момент намекал Пушкин в письме к В. А. Жуковскому от 20 января 1826 г.: «Я был масон в Киш[иневской] ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи»⁴¹. К сожалению, состояние источников не дает возможности составить определенное мнение о характере заседаний ложи «Овидий». Но одинаково ошибочно было бы видеть в ней и филиал декабристского общества, и вполне невинную игру в масонскую филантропию. Скорее всего, можно констатировать отсутствие единой цели и средств ее достижения. То, что мы имеем дело с масонской ложей, позволяет нам говорить о том, что среди ее членов были сторонники мирного пути «нравственного переворота» с целью установления «вечного мира», о чем недвусмысленно свидетельствуют тексты Пушкина, в число которых следует включить и его стихотворное послание «Генералу Пущину», где речь идет о противопоставлении военного и мирного путей достижения свободы:

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!

При всей иронии, вложенной в это стихотворение, следует отметить, что скепсис поэта вызывает не масонская ложа сама по себе, а стремление соединить идеи политической борьбы с идеей масонского миротворчества. Во всяком случае возможность в условиях нового революционного подъема в Европе попытаться осуществить идею «вечного мира» казалась Пушкину вполне перспективной. Впрочем, взгляды поэта, чутко реагирующего на бурный поток политических событий в Европе начала 1820-х гг., быстро менялись. Идея «нравственного переворота» после подавления испанской революции и других политических движений в Европе в 1823 г. стала казаться ему химерой, а идея «вечного мира» на практике обернулась «тихой неволей», которую Священный союз нес миру вместо «блаженства».

Итак, мы видим разнородную картину республиканских проектов, выдвинутых участниками декабристского движения. Наиболее чистую модель античного образца сконструировал П. И. Пестель в «Русской правде». Идею либерального правления на основе разделения властей и их взаимного ограничения выдвинул Н. М. Муравьев в своем проекте Конституции. Республиканский проект «Ордена русских рыцарей» можно было бы определить как имперскую республику, основанную на личной диктатуре и агрессивной внешней политике. Наконец, пушкинская версия общечеловеческой республики в условиях «вечного мира» может быть рассмотрена как альтернатива всем пере-

численным декабристским проектам, не исключаяющим в той или иной степени насильственных мер при попытках реализации республиканских замыслов на практике.

- ¹ *Тит Ливий*. История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1. С. 64.
- ² Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7. С. 115.
- ³ Там же. С. 116.
- ⁴ Там же. С. 113.
- ⁵ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 170.
- ⁶ Там же. С. 170–171.
- ⁷ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 296.
- ⁸ Там же. С. 199.
- ⁹ Там же. С. 181.
- ¹⁰ *Constant B.* Réflexions sur les constitutions et les garanties publiées le 24 mai 1814, avec une esquisse de constitution // *Constant B. Collection complètes des ouvrages.* Paris, 1818. P. 207–208.
- ¹¹ Ibid. P. 208.
- ¹² Ср. у А. С. Пушкина: «Ты прав, и верно нам укажешь / Трубу, личину и кинжал...»
- ¹³ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 179.
- ¹⁴ Там же. С. 179.
- ¹⁵ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1983. С. 218–219.
- ¹⁶ *Парсамов В. С.* Декабристы и Франция. М., 2019. С. 151–237.
- ¹⁷ *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 254.
- ¹⁸ *Парсамов В. С.* Декабристы и Франция. С. 212–236.
- ¹⁹ *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX веке. С. 85–86.
- ²⁰ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 174.
- ²¹ *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX веке. С. 85–86.
- ²² *Гельвеций К. А.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 262.
- ²³ *Constant B.* Réflexions sur les constitutions et les garanties publiées le 24 mai 1814. P. 203–204; *Staël-Holstein Madame la baronne.* Reflexions sur la paix intérieure 1795 // *Œuvres complètes.* Т. 1. Paris, 1838. P. 45–62.
- ²⁴ Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографические справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 720.
- ²⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг. Т. II. СПб., 1913. С. 333.
- ²⁶ Там же. С. 222, 311.
- ²⁷ Там же. С. 311.
- ²⁸ Там же. С. 221.
- ²⁹ *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 224.
- ³⁰ *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992. С. 318.
- ³¹ *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. С. 225.
- ³² *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований... 1816–1825. М., 1975. С. 170.
- ³³ Декабристы. Орывки из источников / Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. С. 114; *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 46–95; *Нечкина М. В.* Движение декабристов.

- Т. 1. М., 1955. С. 304–342; *Пугачев В. В.* Декабрист М. Ф. Орлов и московский съезд Союза благоденствия // Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. Саратов, 1958. С. 82–114; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований... С. 152–217.
- ³⁴ *Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 176–177.
- ³⁵ *Пушкин А. С.* Полное собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 749.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 150.
- ³⁸ *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 184.
- ³⁹ *Кульман Н. К.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 10. С. 343–373; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 313–321; *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 369–376.
- ⁴⁰ *Раевский В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 351.
- ⁴¹ *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. М., 1928. С. 3.

References

- Alekseev, M. P. Pushkin i problema “vechnogo mira” [Pushkin and the Problem of “Eternal Peace”. In Russ.]. In *Alekseev, M. P. Pushkin. Sravnitel’no-istoricheskie issledovaniya*. Leningrad, Nauka publ., 1972. 468 p.
- Chernov, S. N. *U istokov russkogo osvoboditel’nogo dvizheniya* [At the Origins of the Russian Liberation Movement. In Russ.]. Saratov, Saratov University press, 1960. 424 p.
- Druzhinin, N. M. *Revolutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke* [Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century]. Moscow, Nauka publ., 1985. 488 p.
- Landa, S. S. *Dukh revolyutsionnykh preobrazovaniy... 1816–1825* [Spirit of Revolutionary Changes... 1816–1825. In Russ.]. Moscow, Mysl’ publ., 1975. 379 p.
- Lotman, Yu. M. *Besedy o russkoi kul’ture* [Conversations about Russian Culture. In Russ.]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb publ., 1994. 399 p.
- Lotman, Yu. M. *Izbrannye stat’i: v 3 t. T. 2* [Featured Articles: in 3 vols. Vol. 2. In Russ.]. Tallinn, Alexandra publ., 1992. 478 p.
- Lotman, Yu. M. *Roman A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”. Kommentarii* [Pushkin’s Novel “Eugene Onegin”. Commentary. In Russ.]. Leningrad, Prosveshchenie publ., 1983. 416 p.
- Nechkina, M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Decembrist Movement. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Izdatel’sтво Akademii nauk SSSR press, 1955. 483 p.
- Parsamov, V. S. *Dekabristy i Frantsiya* [Decembrists and France. In Russ.]. Moscow, RGGU press, 2019. 432 p.
- Pugachev, V. V. Dekabrist M. F. Orlov i moskovskii s’ezd Soyuza blagodenstviya [Decembrists M. F. Orlov and the Moscow Congress of the Union of Welfare. In Russ.]. In *Uchenye zapiski Saratovskogo universiteta*. 1958. Vol. 66, pp. 82–114.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. С. Парсамов. Республиканские проекты в декабристском движении // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 27–41. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_27

Аннотация: Политические проекты декабристов относительно будущего устройства России отличались разнообразием, но при этом все они исходили из идеи установления республиканского строя в России. Сложившаяся традиция противопоставлять конституционные проекты П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева как республиканский и конституционно-монархический является результатом перенесения

на эпоху декабристов позднейших представлений. В системе политических воззрений первой четверти XIX в. оба проекта считались республиканскими и различались лишь характером республиканского строя: парламентская республика у Пестеля и президентская — у Муравьева. Кроме этих двух проектов, получивших детальное описание в произведениях их авторов, существовали еще как минимум два проекта, не получивших детального описания, но реконструируемых по косвенным свидетельствам. Это президентская республика у Н. И. Тургенева, отличающаяся от проекта Муравьева большей властью, сосредоточенной в руках президента, и имперская республика «Ордена русских рыцарей», обсуждавшаяся в кругу М. А. Дмитриева-Мамонова и М. Ф. Орлова.

Ключевые слова: республика, декабристы, тайное общество, «Орден русских рыцарей», П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, М. А. Дмитриев-Мамонов, М. Ф. Орлов.

FOR CITATION

V. S. Parsamov. Republican Projects in the Decembrist Movement // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 27–41. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_27

Abstract: The political projects of the Decembrists concerning the future structure of Russia were diverse, yet all were predicated on the establishment of a republican system in Russia. The tradition of contrasting the constitutional projects of P. Pestel and N. Muravyev as republican and constitutional-monarchical is the result of the transfer of later ideas to the Decembrists' era. Within the political thought of the early 19th century, both projects were regarded as republican, with the primary distinction lying in the nature of the republican system itself. The two systems under discussion are Pestel's parliamentary republic and Muravyev's presidential one. In addition to the two projects previously described in detail in the works of their respective authors, there were at least two other projects that were not described in detail, but can be reconstructed from indirect evidence. The concept of a presidential republic, as outlined by N. Turgenev, deviates from Muravyev's proposal by virtue of the heightened authority bestowed upon the president, in contrast to the imperial republic of the Order of Russian Knights, a concept elaborated upon within the milieu of M. A. Dmitriev-Mamonov and M. F. Orlov.

Key words: Republic, Decembrists, Secret Society, Order of Russian Knights, P. I. Pestel, N. M. Muravyev, N. I. Turgenev, M. A. Dmitriev-Mamonov, M. F. Orlov.

Автор: Парсамов, Вадим Суменович — д. и. н., проф.; ведущий научный сотрудник Центра изучения войн и их последствий, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Author: Parsamov, Vadim Surenovich — Dr. of Sci. in History, Professor; Leading Research Fellow of Centre for the History of War and its Consequences, Professor of School of History, HSE University (Moscow, Russia).

E-mail: vparsamov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2976-2194